

УДК 821.111

**ОБРАЗЫ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ
В ЗАПИСКАХ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII – XIX вв.****Т.С. КОСЕНКО***(Представлено: канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ)*

В статье представлен анализ образов белорусских городов в записках английских путешественников XVIII – XIX вв. Выделяются основные составляющие, на которых строилось повествование путевых текстов.

Записи о посещении белорусской земли иностранцами появились с момента первого упоминания в летописях ее древнейших городов: по одной из версий, князь Рогволод прибыл в Полоцк именно «из-за моря» и поддерживал отношения со многими «варягами», что помогло наладить торговые пути. Развитию торговли способствовало и выгодное географическое положение: Полоцк, и другие древние города нынешней Беларуси (Витебск, Гродно, Могилев) строились на берегах рек. Корабли стали средством перемещения для купцов, воинов, и просто искателей приключений [1].

Вблизи рек, со временем, появились и сухопутные пути. Одним из первых описал белорусские пейзажи рыцарь Жильбера де Лана, который побывал во многих странах Европы и на африканском континенте. Чуть позже через Беларусь пролегал путь Амброджо Контарини и Жозефата Барбара. Дважды проезжал в Москву и Новгород посол Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн (1486–1566). Результатом путешествий Герберштейна стала книга «Записки о московитских делах», где некоторые страницы посвящены описанию Беларуси [2, с. 9].

Если говорить о европейских и американских путешественниках, то, в первую очередь, их интересовали Москва и Санкт-Петербург, а «Западная Русь», как правило, являлась лишь частью длинного пути. Та информация, которую можно найти о Беларуси в англоязычных путевых записках, не отличается объемом, ведь в большинстве случаев иностранцы находились здесь проездом, однако, они замечали и описывали то, что их удивляло, или привлекало [2, с. 4].

В начале выстраивания дипломатических отношений, путешественники посещали только некоторые белорусские города, но уже к XVIII–XIX вв. их маршруты были более разнообразны. Пользовался популярностью традиционный путь с Запада на Восток: из Бреста, Гродно, или из Вильно через Минск и Оршу на Смоленск и Москву. Не менее востребованной была дорога из Петербурга через Витебск и Могилев на Киев. Многие посещали Пинщину и Мозырский район, Полотчину и Слуцк. В качестве средства передвижения использовали кареты, зачастую собственные, в сопровождении всегда присутствовали многочисленные слуги. Передвигались, в основном, в зимний период, когда реки и озера были скованы льдом.

Непременным условием было начать описание своего путешествия с небольшой исторической зарисовки о той стране, в которой пребывал автор. К примеру, Роберт Пинкертон, заинтересовавшийся древним Полоцком и судьбой когда-то правивших в нем князей, решил уделить внимание важному историческому эпизоду, в котором рассказывается о сватовстве к Рогнеде: «Разгневанный отказом Рогнеды, Владимир осадил город, убил князя Рогволода и двух его сыновей, и женился на Рогнеде против ее воли, после чего Полоцкое княжество стало частью его владений. После этого сын Рогнеды получил это княжество от своего отца Владимира, и его потомки продолжали править в течение нескольких веков, вплоть до основания Гедимином Вильни, столицы данных частей Литвы (1305)»⁶¹ [3, р. 63].

Далее дается краткая справка о Минске: «Минск – древний литовский город, расположенный на реке Свислочи; в одно время он подчинялся Полоцкому княжеству, затем Смоленскому. Уже в 1066 году два сына великого князя Ярослава осадили его, уничтожили всех мужчин, а женщин и детей отдали в качестве рабов воинам, которые их сопровождали. В 1104 году здесь правил русский князь по имени Глеб Всеславич, который стал полоцким князем. <...> В настоящее время город является резиденцией правительства одноименной провинции русского архиепископа, который носит титул архиепископа Минского и Литовского» [3, р. 91].

Д. Стивенс решил сделать акцент другом периоде истории, когда Беларусь находилась в составе Польши, и, будучи юристом, он, в первую очередь, интересовался политическими изменениями: «В десятом веке поляки были могущественной и воинственной нацией. В четырнадцатом веке к их землям присоединилась Литва, и Польша стала одной из самых мощных монархий в Европе. <...> Царствование

⁶¹ Здесь и далее перевод с английского наш – Т.К.

Сигизмунда и занимает важное место в военной истории; до начала прошлого века его знание военного дела обеспечило ему влияние в Европе» [4, р. 404].

После кратких исторических справок авторы изображали увиденные пейзажи, которым, как правило, уделялось больше внимания. Во-первых, для описания исторической информации требовалось либо изучение документов, книг, либо посещение курсов, на что, как правило, у многих путешественников не хватало времени, так как они находились в Беларуси проездом, в то время как описание ландшафта предполагало лишь наблюдательность. Во-вторых, в соответствии с жанровой композицией травелогов, основой сюжетной линии подобного типа произведений является перемещение путешественника в пространстве. Именно описание дороги и всех тех событий, которые произошли на пути следования, составляют канву повествования проезжающих иностранцев.

Несмотря на большое количество местечек и маленьких городов, путешественники, как правило, даже не перечисляли их названия, лишь изредка упоминали те или иные населенные пункты, в которых им приходилось останавливаться по причине поломок транспорта. Другая ситуация была с крупными и более значимыми городами: в текстах почти всех названных путешественников присутствовал образ таких городов как Минск, Гродно, Полоцк, Могилев, Витебск. Как и в случае с пейзажами, в описании городов у каждого путешественника присутствовали свои особенности, хотя они и посещали одни и те же места.

В некоторых случаях причина в индивидуальных представлениях и особенностях автора, его целях, в других – время написания заметок. К примеру, с разницей в пару лет в Полоцке побывали М. Холдернес и Р. Пинкертон, и, по историческим сведениям, оба занимались миссионерской деятельностью, но несмотря на это, в записках Мэри Холдернес Полоцк предстает неинтересным городом. Наличие церквей в городе упомянуто, но акцент сделан на последствиях прошедшей войны (1812) и тех эмоциях, которые данные последствия вызывают: «В городе было мало возможностей скоротать время или мест, что привлекали внимание; некоторые церкви, монастырь (в котором огромная кухня была самой замечательной частью и говорила о состоянии его владельцев). Следы опустошения и войны, которые остались в этом мрачном и полуразрушенном городе, были единственными объектами наблюдения; и это, особенно последнее, вызвало череду меланхолических размышлений. Целые улицы были разрушены, дома выпотрошены, а голые стены все еще стоят, как и многие памятники его нынешних страданий» [5, р. 32].

У Р. Пинкертона изображение Полоцка наделено более жизнерадостными чертами. Во-первых, по причине того, что он посетил Полоцк немного раньше М. Холдернес и не был свидетелем последствий войны. Во-вторых, он изучал работу религиозных общин, а в Полоцке их было достаточное количество. Полоцк был описан именно как религиозный центр, а не как место для туризма. В качестве описания общего вида приведено лишь пару строк, но и они больше относятся к истории: «Полоцк прекрасно расположен на правом берегу Двины и Полоты и является одним из древнейших городов, упомянутых в русской истории. Это было известно древним под именем Пелтискум; и во времена Рюрика, у города были свои князья, которые оставались там до времен Владимира Великого» [3, р. 62].

Наиболее развернутое изображение Минска представил в своих заметках Д. Стивенс. Город вызвал положительные впечатления, по сравнению с другими городами: «Минск – один из лучших городов Литвы, главный город Минской губернии, но очень грязный и неблагоустроенный. Главная улица оканчивается большим заросшим полем и деревянными хижинами. От того места, под прямым углом, идет другая улица, с большими домами, она соединяется со второй площадью, где некоторые из основных зданий сделаны из кирпича» [4, р. 410]. Практически таким же способом изобразили Минск и Р. Пинкертон и У. Кокс, дополнив описание жилых и общественных построек сведениями об основных отраслях производства в городе и использовании близлежащих окрестностей.

У. Кокс считал нужным упомянуть и Гродно, однако этот город оставил не самые приятные впечатления, во многом по причине того, что он находился в упадке: «Гродно – большой город, в котором проживает более 3000 христиан и 1000 евреев. В нем одновременно сочетаются падающие дома, разрушенные дворцы и великолепные врата, которые напоминают о былом великолепии. Некоторые дома, содержащиеся в полном порядке, еще более подчеркивают этот контраст» [6, р. 214].

Можно заметить, что образы городов предстают в записках путешественников не только как фон, но и как самостоятельный образ, который отражает и состояние государства, и состояния путешественника, которое мы можем увидеть в его записках. Также в литературоведческом изучении образа города принято выделять внутренний и внешний план изображения. К первому относятся коренные жители, ко второму – приезжие люди, путешественники. Очевидно, что данные образы будут радикально отличаться друг от друга, ведь путешественники находят то, что бросается в глаза, а местные жители воспринимают окружающие реалии как уже нечто само собой разумеющееся и обыденное.

В классификации образа города можно выделить такие аспекты как «материальный» и «нематериальный». К первой категории относятся все увиденные достопримечательности, то есть, памятники архитектуры, особенности внешнего вида. Ко второй – впечатления, получаемые от увиденного, и, как пра-

вило, чаще источником этих впечатлений являются не здания и улицы, а люди, которые встречаются на пути, с которым довелось пообщаться. Здесь стоит обозначить один важный момент: в XVIII–XIX вв. далеко не все путешественники имели при себе переводчика, при этом не владея ни русским, ни белорусским, ни польским языком. Среди белорусского населения на английском или французском языке могли общаться представители знатных и состоятельных сословий, которые могли позволить себе частного учителя или обучение за границей. По этой причине круг людей, с которыми иностранец мог вступить в диалог, зачастую был достаточно ограниченным. Тем не менее, даже при отсутствии непосредственного общения с местными жителями, путешественники замечали расслоение населения по социальному и имущественному признаку.

Первое, что бросалось в глаза путешественникам – бедность крестьянства и городского населения. Въезжая в Гродно, У. Кокс описал следующую картину: «Нашу карету окружили толпы нищих; появилось множество евреев. В четыре часа пополудни приехав в какое-то жалкое предместье, населенное евреями, и переместившись через Неман, который тут широк, чист, но неглубок, мы поднялись на крутой берег реки и въехали в Гродно, стоящий над рекою» [6, р. 211]. Не лучшая картина предстает перед глазами путешественника и в Мире: «Жители этой деревушки были так бедны, что мы не смогли достать самых обыкновенных припасов; единственное, что мы выиграли, остановившись тут на ночь, то, что мы избежали опасной дороги и отдохнули от усталости» [6, р. 228].

Можно представить, насколько данная картина удивила преподобного Кокса, ведь до этого в его списке посещенных стран были более состоятельные державы, к примеру, Швейцария, с которой он пытается сравнивать белорусские реалии. Вначале приводится сравнение внешнего вида домов и способ их строительства: белорусы пользуются только топором и складывают дома из толстых бревен, швейцарцы же подходят к этому вопросу более основательно. Далее сопоставляется внешний вид и манеры. Швейцарцы описываются как открытые и искренние, а белорусские крестьяне, которых Кокс называет польскими, как «раболепные и подобострастные». «Все в их поведении свидетельствовало о самом презрительном рабстве, между тем в Польше говорят о свободных учреждениях не меньше, чем в Швейцарии. Но как различно они отразились на нравах этих двух стран! В одной из них свобода распространяется равномерно на всех граждан, служа источником их довольства и счастья, тогда как в другой она распространяется лишь на немногих, являясь худшим из видов деспотизма» [6, р. 234].

Не самое лучшее социальное положение приходилось видеть Р. Пинкертону, который посещал тюрьмы, больницы и армейские подразделения в рамках своей миссионерской деятельности. Пинкертону удалось посетить данные заведения в Минске, Витебске, Орше и Могилеве. Во всех городах их состояние было одинаковым: переполненные камеры и палаты, грязь, нехватка еды и средств на содержание обитателей: «Они были жалкими на вид разрушенными деревянными зданиями, а их заключенные лишены всего необходимого, чтобы сделать их участь терпимой» [3, р. 66]. Посещая подобные заведения, Пинкертон интересовался не только условиями содержания пребывавших в них людей, но и успехом распространения Писания, осведомляясь о том, сколько экземпляров было закуплено и распространено: «Под командованием генерала я смог перед отъездом из Могилева принять меры для отправки в армию еще 750 экземпляров Священного Писания, по пять экземпляров в каждый полк. Архиепископ, казалось, был удовлетворен этим соглашением» [3, р. 86]. В Могилеве количество проданных экземпляров было самым крупным за время путешествия Пинкертона по Беларуси. Также одной из составляющей описания города было упоминание производств и предметов торговли: «Основным товаром торговли в Могилеве является кожа; насчитывается свыше двадцати кожевенных заводов, но местные купцы ведут значительную торговлю поташем, коноплей, кожами и зерном также с портами Данцига, Мемеля и Риги» [3, р. 85].

Изображение предприятий присутствовало и у Кокса, ведь он считал, что посещение фабрик необходимо для лучшего представления об экономической составляющей страны. По итогу своего визита на предприятия У. Кокс пришел к заключению, что фабрики «находятся еще в зачаточном состоянии», однако он отметил, что их основание делает честь королю, учитывая непростой период для экономики страны. К слову, словосочетание «зачаточное состояние» использовалось в качестве характеристики и у Пинкертона: «Но цивилизация все еще находится в зачаточном состоянии среди людей; и в городах, хотя усилия предпринимаются для улучшения, все это идет очень медленно, под влиянием таких духовных наставников как войска монахов и монахов-священников, упомянутых выше» [3, р. 68].

Данный вывод имеет вполне логичное основание: в заметках Кокса указано, что фабрики в Гродно располагаются в деревянных сараях, которые, изначально, предназначались для конюшен, и лишь впоследствии были переделаны для мастерских. Основными работниками на фабриках были крестьяне и их дети, которые получали мизерные деньги и жили в соседних помещениях. В отсутствие какого-либо серьезного стимула, труд их был неэффективен.

Представители крестьянства упоминались и в сочинении М. Холдернес. В первую очередь, шокирующим был внешний вид детей: «Неумытые малые дети бегают по дому почти нагишом или в одном исподнем – длинной сорочке. Дети и слуги редко носят чулки, и поскольку их представления о чистоте

дома ничтожны, сомнительно, что они могут не испачкать ног, ступая по грязным глиняным полам [5, р. 25]. Однако больше негодования проявляется в отношении родителей: «К несчастью для тех англичан, которые путешествуют по континенту, они настолько привычны ко всем удобствам чистоты и благопристойности, что невозможно не испытывать крайнего омерзения и отвращения к этой варварской расе существ, которые во всех отношениях живут скорее как стада свиней, чем как разумные существа: в домах евреи, в частности, живут вместе стаями, как пчелы, однако в отличие от пчел, они делают это не из трудолюбия» [5, р. 26].

М. Холдернес изобразила и представителей знатного сословия, что делает ее рецепцию социальной составляющей образа Беларуси многогранной. Наибольшую часть описания Беларуси в ее записках занимает посещение резиденции графа Хрептовича, известного филантропа, с которым она была заочно знакома. В данном повествовании проявляется отличительная особенность женской путевой прозы: в своих описаниях женщины делают акцент на личность и отношения, в том числе семейные, несмотря на то, что совершали путешествия, чтобы вырваться из оков семьи. Судя по тому, что М. Холдернес позитивно восприняла привязанность супруги Хрептовича к своей семье и ее образцовую покладистость, она относилась к тому типу путешественниц, которых интересовало изучение нового, а не бегство от традиций.

В поместье графа, которое находилось в Бешенковичах, М. Холдернес пробыла «четыре удивительных дня», после чего продолжила свое путешествие, в котором снова начали встречаться более приземленные образы. К примеру, постоялый двор, где в одном здании находилась кладовая, спальня и комнаты и рабочие помещения, а в углу «была привязана корова». Не отличался возвышенностью и образ обитателей данного заведения: «Группа людей, которые пили, курили и пели. <...> Грубый взгляд этих дикарей сильно меня раздражал» [5, р. 44]. В сумму оплаты за ночлег входил ужин, однако его качество заставило путешественницу отказаться от супа, который был предложен. Не устроило путешественницу и качество услуг, которые были оказаны по ремонту кареты в Полоцке: «Здесь нам пришлось испортить еще десять дней, пока ставили наш экипаж на сани, без которых невозможно было обойтись. Евреи, в чьи руки мы попали, заставили нас дорого заплатить за работу, которая была очень плохо сделана, и, помимо прочего, стала причиной нашего опоздания» [5, р. 32].

Как можно заметить, путешественники подчеркивали и наличие этнического разнообразия среди населения Беларуси XVIII–XIX вв. Это не удивительно, ведь, в первую очередь, их описание строилось на оппозиции «свой – чужой», и, встречая людей, которые по тем или иным признакам отличались от их соотечественников, они старались это обозначить. Что касается Беларуси, то здесь перед ними открывался огромный простор для анализа, сравнений и классификаций, ведь ситуация была для них нестандартной: население различалось по этническому компоненту, конфессиональному признаку. Кроме того, в большинстве случаев, рушились те стереотипы, которые формировались у них на протяжении долгого времени.

Во всех исследуемых произведениях присутствовали образы таких городов как Минск, Витебск, Полоцк, Орша, Гомель, Могилев. Путешественники описывали увиденные в них достопримечательности (или их отсутствие), и те трудности, с которыми им приходилось сталкиваться, перемещаясь из одного города в другой, зачастую они попадали в схожие ситуации. Однако каждый автор делал акцент именно на том, что привлекало, удивляло, или интересовало именно его, в зависимости от мировоззрения и сферы деятельности. К примеру, Р. Пинкертон, будучи миссионером, концентрировался исключительно на изучении религиозной стороны жизни. М. Холдернес, хоть и являлась миссионеркой, уделяла больше внимания личностным отношениям и культурным традициям. Также путешественники изображали такие детали, как внешний вид местного населения, его этническая и религиозная принадлежность, культурные особенности, условия и качество проживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карев, Д.В. Белорусская историография в конце XVIII – начале 60-х годов XIX в. / Д.В. Карев // Очерки истории науки и культуры Беларуси IX – начала XX в. / П.Т. Петриков [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1996. – 312 с.
2. Грыцкевіч, В.П. Шляхі вялі праз Беларусь / В.П. Грыцкевіч, А.І. Мальдзіс. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1980. – 149 с.
3. Pinkerton, R. Russia or Miscellaneous observations on the past and present state of that country and its inhabitants / R. Pinkerton. – London: Seeley and Sons, 1833. – 486 p.
4. Stephens, J.L. Incidents of travel in Greece, Turkey, Russia and Poland / J.L. Stephens. – London: G.B. Whittaker, 1847. – 443 p.
5. Holderness, M. Journey from Riga to the Crimea, With Some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia / M. Holderness. – London: Sherwood, 1827. – 342 p.
6. Coxe, W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark / W. Coxe. – Dublin: S. Price [et al.], 1784. – 616 p.